

Литературные известия

№ 12 (234)
Декабрь 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня в номере:

Атланты
и лица современной
литературы

*

Проза

*

Поэзия

*

Рецензии

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

**«Диалог» —
это ваш
телеканал!**

**ТЕЛЕКОМПАНИЯ
«Диалог» создает
фильмы о тех людях
и фирмах,
которые добились
значимых результатов
в жизни.**

www.tv-dialog.ru

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом! Здоровья вам и новых творческих успехов! И, конечно, мирного всем нам неба над головой!

Пусть процветают Союз писателей XXI века, РЛК (Профессиональные Литературные Курсы), телеканал и телекомпания «Диалог», Дом творчества «Сосновый Регас», холдинг «Вест-Консалтинг» — наша большая и дружная семья!

Но-прежнему издательская деятельность для нас на первом месте. И мы не намерены сбавлять обороты.

Периодичность выпусков наших изданий на 2024 год такова:

«Дети Ра» — шесть номеров в год; «Зинзивер» — шесть номеров в год; «Футурум АРТ» — два номера в год; «Зарубежные записки» — два номера в год. Что касается наших газет, то периодичность «Литературных известий» не изменится — двенадцать номеров в год. Газета общественных организаций МОО РФ «Наша Смоленка», которая верстается в издательстве «Вест-Консалтинг», и газета «Поэмоград» в 2024 году также будут выходить ежемесячно.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

ЛИЦА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОЛЬГА ЕФИМОВА — ПОЭТЕССА, МУЗЫКАНТ И АКТРИСА

Ольга Ефимова — одна из самых талантливых современных поэтесс. Ее стихи публикуют солидные журналы — «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Зинзивер» и многие другие. Она автор книги «Форма света». О поэзии Ольги Ефимовой тепло отзывались такие известные мастера стиха, как Юрий Казарин, Александр Казинцев, Сергей Арутюнов.

Несколько лет назад Ольга пришла на работу в Союз писателей XXI века и стала редактором и рецензентом книг. Ни один стоящий сборник стихов (или прозы) не пройдет мимо ее внимания. Огромная любовь к литературе, внимание к слову, забота о собратьях по перу — вот отличительные черты Ольги Ефимовой. Это обусловлено не только ее природным талантом, но и прекрасным образованием и воспитанием — Ольга выросла в интеллигентной семье; ее мама, Татьяна Николаевна Ефимова, работает учителем истории, отец, Юрий Владимирович Ефимов, — великолепный знаток литературы. Родители воспитали дочь в любви к слову, искусству, родной земле. Ольга закончила музыкальную школу по классу скрипки, играет в ансамбле «Эльф и люди», пишет не только стихи, но и песни. А еще Ольга снимается в кино — снялась в главных ролях в художественных фильмах Евгения Степанова «Христос-Человечество» и «Основной вопрос».

Стихи Ольги Ефимовой сложны, метафоричны. И при этом — душевны, духоносны, патриотичны, — пропитаны любовью к родной земле. И сегодня я хочу напомнить вам, дорогие читатели, предновогоднее стихотворение поэтессы. Оно как раз подходит к нашему декабрьскому номеру.

31 ДЕКАБРЯ

Дрожал белесый небосвод,
Красивый, будто на открытке —
Седобородый старый год
Проворно собирал пожитки,

Бетонку мокрый снег лобзал,
По спинам семенил торопко.
Шумна, как елочный базар,
Тесна, как платная парковка,

Бежала суетная жизнь —
Вилась короткая бечевка,
Трудна — хоть падай и ложись...
Сквозь мягкий снег виднелся четко

Небес потрепанный денем
В бескровье матовых отметин.
Жива присутствием Твоим,
Я шла — надеясь — в новолетье...

Сергей КИУЛИН,
фото автора

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПОЭЗИЯ. СТИХИ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Я различаю поэзию и стихи.
Если стихи — это зарифмованные строки, сложенные в стихотворение, то поэзия — нечто несомненно большее.
Поэзия — сгусток высокой энергии, воплощенный в слове.
В поэзии и суть, и форма имеют равновеликое значение.
Поэзия несет свет, надежду, преодоление боли.
Поэзия одухотворена и помогает жить, поднимает человека, делает его лучше.
Наиболее удачные образцы поэзии приближены к молитве.
Большинство опубликованных стихов — это версификационная продукция.
Образцов настоящей поэзии — единицы.
Так было раньше, так обстоит дело и сейчас.
Даже у хороших поэтов — удачи предельно редки.
И это нормально. Не может быть много хороших композиторов, художников, архитекторов... Не может быть много шедевров.
Войти в русскую литературу даже одним стихотворением — великая удача для автора.
Шедеврам русских поэтов я посвятил второй том своей антологии «Они ушли. Они остались». Вот два стихотворения из этой книги.

Александр БЛОК

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян.
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянёт в сердце мое,
Глянёт небо опять, розовея от края до края,
И окошко твоё.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

Иван БУНИН

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Великое стихотворение входит в плоть и кровь народа, входит в резонанс с эпохой и остается во времени. И неважно, это лирика или гражданская поэзия, и неважно, когда это произведение создано. Например, легендарное стихотворение **Константина Симонова** «Жди меня, и я вернусь...» написано во время Великой Отечественной войны, в 1941 году, но оно звучит актуально по сей день. И никогда не устареет.

ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ...

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941 г.

В нынешнее время напечатано множество стихов — в сборниках, журналах, газетах, в интернете. Уже нельзя сказать: я гениальный поэт, но меня не печатают, не признают; вот если бы опубликовали, тогда весь мир был бы счастлив. Нет, фи́ги в кармане, как было раньше, в советскую эпоху, во времена цензуры, больше ни у кого нет.

Как ни грустно это прозвучит, но основной массив напечатанной в постсоветскую эпоху версификационной продукции оказался графоманией разного вида профессионализма. Так называемая свобода, пришедшая с падением СССР и отменой цензуры, никак не повлияла на количество талантливых людей и талантливых произведений. То, что ранее обсуждалось на уровне литературных кружков и объединений, выплеснулось в книги, публикации в интернете и, что самое грустное, в журналы. Огромное количество пробивных и влиятельных в политике и бизнесе графоманов благополучно просочились в солидные литературные СМИ. Капиталистический строй, разумеется, распространился и на литературный процесс.

Стало очевидно, что сочинение стихов — очень часто не что иное, как вид психического заболевания. И одновременно — автотерапия, доморощенный способ лечения этого тяжелого заболевания. Появилось множество пожилых людей, пишущих и публикующих стихи. С медицинской точки зрения это легко объяснить. Когда мозг работает интенсивно, лучше работают и другие органы человека. И люди спасаются как могут. В том числе — пишут стихи.

Разумеется, у любого заболевания (тем более психического) есть сопутствующие симптомы. При графомании главный симптом — мания величия. И эта мания расцвела буйным цветом. Все перечисленное произошло в силу ряда причин,

тоже хорошо понятных. Литературная среда, как, наверное, любая другая — конкурентная. Как-то нужно доказывать, что ты самый-самый-самый. Способов для этого не слишком много: публикации, премии, рецензии. А спрос рождает предложение. И появились толпы стихотворцев, издавших десятки книг, стихотворцев, увешанных значками литературных премий, стихотворцев, захваленных проплаченными критиками (точнее, пиарщиками) и т.д.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Читателю уже и не понять: а что, собственно, талантливо, а что нет? А институт литературной критики исчез. И на освободившееся место очень быстро пришел циничный институт пиара. Многие критики успешно поменяли профессию и принялись строчить за деньги хвалебные статьи на всех без разбору — на всех, кто заплатил. Некоторые солидные литературные журналы, специализировавшиеся на критике, на литературоведении, окончательно почили в Бозе. Так, закрылись «Литературное обозрение», «Литературная учеба».

Вообще, процесс обвала журналов и хороших книжных издательств пошел на всех парах. Закрылись специализированные издательства «Воймега», «Современная поэзия», перестали выходить журналы «Арион», «Октябрь», альманах «Поэзия», который редактировали **Николай Старшинов** и **Геннадий Красников**, и многие другие солидные литературные СМИ.

Ситуация с журналами заслуживает отдельного разговора. Интересный факт: многие из них остались государственными, некоторые (будучи частными) получают государственную поддержку. Но этой поддержки явно недостаточно. Тиражи стали, мягко говоря, небольшими. И журналы еле-еле сводят концы с концами.

Самостоятельных, не зависящих от государства и грантов изданий, имеющих печатную версию, становится все меньше и меньше — их можно перечислить на пальцах одной руки.

Появилось огромное количество интернет-журналов, многие из которых совершенно открыто предлагают свои электронные страницы для платных публикаций. И спрос есть.

Картина, которую я нарисовал сейчас, может кому-то показаться предельно мрачной. Но работая над этим эссе, я не ставил перед собой такой задачи. Я считаю, что литература в настоящее время развивается своим чередом — как всегда. Пишущих людей много. Талантов мало. При этом все — нужны. Если бы не существовало бездарностей, как бы мы узнали — кто талантлив. Так было, так есть и так будет.

Поэзия — чудо.

Появление шедевров не зависит от образования автора, его регалий и наград, военных или гражданских подвигов, хороших (или наоборот — ужасных) условий жизни.

Как и почему рождаются великие стихи — точного ответа не даст самый ученый профессор. А я — тем более.

Я могу только в меру своих скромных сил печатать поэтов.

В своих журналах и газетах («Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», «Поэтоград», «Литературные известия», «Другие», «Персона PLUS») я, разумеется, публикую не только шедевры. Их — повторю — много быть не может.

Но я на протяжении нескольких десятилетий забрасываю свой невод, надеясь поймать породистую и редкую литературную рыбу. Если хоть изредка это удается, я счастливо улыбаюсь.

Евгений СТЕПАНОВ,
Генеральный директор
издательства «Вест-Консалтинг»,
Главный редактор
Издательства Евгения Степанова,
Президент Союза писателей XXI века

НОВОСТИ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ ИЗБРАН В СОВЕТ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ (ЦДЛ)

Издатель и писатель, президент **Союза писателей XXI века**, генеральный директор холдинга «Вест-Консалтинг» **Евгений Степанов** избран в **Совет Клуба писателей (ЦДЛ)**. Об этом ему сообщила 22.11.2024 заместитель директора ЦДЛ **Наталья Познанская**.

— Это для меня огромная честь и ответственность, — сказал в беседе с нашим корреспондентом Евгений Викторович. — Постараюсь быть максимально полезным родному Клубу, с которым сотрудничаю много лет.

Поздравляем!

Редакция

ПРОЗА

Ольга МИХАЙЛОВА
ПТИЧЬЕ ОБЩЕЖИТИЕ
(РАССКАЗ)

Ольга Михайлова — прозаик, поэт. Известна публикациями в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Фото Travel», «Эгоист Generation» и газетах Linnaleht (Таллин), «Литературные известия», «Поэтоград». Она — автор нескольких книг. Живет и работает в Москве.

Удивительна природа поутру! Чуть солнце касается земли, она начинает дышать. И я дышу и не могу надыхаться... Над лугом и овражком проносится легкий шепот — то пробуждаются травы. Туман ворчит и потихоньку отступает.

Птицы сейчас не встречают рассвет, как весной или в начале лета, а появляются чуть позже. Можно услышать, как они переговариваются, но их голоса звучат приглушенно и даже немного таинственно. Они выбираются из своих уголков-укрытий, где ночевали, потягиваются. Многие сразу перелетают повыше, почти на макушку ясеня пенсильванского, ставшего настоящим птичьим общежитием: восхваляют солнышко, греются после стылого ночного воздуха и наводят марафет.

Я прихожу к моменту, когда среди пернатых наступает оживление, и наблюдаю, кто чем занят.

Пеночки-веснички гоняются друг за другом — вот веселье!

Соловьишко распушился — каждому перышку по солнечному лучику.

Вертишейка замерла, но с моим приближением засуетилась, скрылась в листве и подглядывает — один глаз и виден. Однажды, и это стало открытием, я увидела двух молодых птиц в обществе жуланчиков — куда маленькие хищники, туда и вертишейки.

Славки-черноголовки дружно ничего не делают, а самые любопытные спускаются пониже и заглядывают в объектив.

Неожиданно прилетела славка-мельничек: едва устроилась на тонюсенькую веточку, ее тут же прогнала черноголовая славка. Птички время от времени конфликтуют, но по-прежнему держатся на одном дереве.

То и дело выскакивают из ниоткуда молодые заряночки, еще рябенькие или почти перелинявшие. Кто посмелее, остается на месте: «Гляди, какое оранжевое украшение на моей грудке — любуйся!» И я люблюсь и фотографирую. А иная птичка, едва перелетев из гущи соседних кустов, тут же шасть — ее и след простыл.

Бывает, остановится передохнуть дубонос — появится внезапно и так же внезапно исчезнет.

Щеглы любят царцынские просторы: в основном сидят высоко в кроне соседней березы или с большим энтузиазмом болтаются в поисках кормных мест — лугов с обильным травостоем. Эти яркоокрашенные птички всегда где-то поблизости — отовсюду доносится их переливчатое щебетание. Хотя, погодите, что происходит? Шумная стайка, птиц двадцать, в основном молодняк, вихрем пронеслась над головой и в один момент украсила верхушки ясеневых веток — как здорово получилось! Стою не шелохнувшись, чтобы не спугнуть их тонкие чуткие натуры.

Кто-то закопошился — молодой черный дрозд явил себя миру: «Здрасьте». Расположился меж ветвей так, чтобы его не было заметно — проветривание оперения требует уединения! Хвост веером развернул, голова, чутко плешивая на затылке, набок, глазонки закатил, сам привалился к ветке — того и гляди потеряет сознание. Помню похожую ситуацию — в нашем районном сквере загорал дрозд-рябинник. Увидев его запрокинутую головушку, равнодушные гуляющие, перепугавшись, в один голос восклицали: «Птичке плохо?!»

Серая славка, мокрая и растрепанная, зевнула (подняла, а разбудить забыли) и юркнула обратно в тень листвы.

Пара садовых камышевок активно собирает мошек, не обращая на меня внимания.

Серая мухоловка — хоть и невзрачная птаха, но мастер в ловле насекомых. Такие виражи совершает! Какое тут сфотографировать — успеть бы взглядом проследить траекторию ее движения!

Нервно заверещала самка жулана. Сколько ни бродила здесь прежде, еще малиновые кусты стояли обсыпанные (ягоды на них крупные — все ими лакомились — и люди, и птицы), она так и шумела. Но малых я тогда не заметила. Теперь наблюдаю только одного птенца, и уж как она его опекает. В другой жуланьей семье, обитающей по соседству, все иначе: сама самка подпускала метра на три, есть у меня ее портрет, и птенцы такие же доверчивые. Один при мне погадку скинул — не постеснялся. Так вот, засмотрелась я сейчас на взъерошенного жуланчика, а когда повернулась обратно к дереву, гляжу: открыто на ветке — лесной конек! Вот это диво! Своего первого лесного конька я встретила в этом году в июне в лугах на окраине города. Он активно

токовал, каждый раз возвращаясь на березовую веточку-присаду аккурат передо мной. Коньки с тех пор попадают мне регулярно. Например, в Итлари конек нежил на солнце, устроившись на покатоной крыше деревянного сарая, а теперь несколько особей мелькают у Царицынских дач. Вот это везение!

В один прекрасный день дерево посетила... малая мухоловка! Я мельком заметила птичку, всего на пару секунд присевшую в полутьме нижних ясеневых веток, и успела сделать серию кадров. Сомнений нет — малая мухоловка. Подожду — есть вероятность, что она вернется.

Стою, мечтаю. Серые мухоловки носятся, добывая пропитание. Может быть, и мне перекусить? А там, глядишь, и птичка приманится «на бутер», как воробьиный сыч, — известная история, произошедшая со мной в Главном ботаническом саду.

Соберу-ка себе подстилку из сена попышнее — пару дней назад траву на участке перед деревом покосили. Деревня вспомнилась, и мы с отцом на сенокосе... И этот запах сена — сладкий, теплый, родной. Порой кажется, что я родилась такая, наполненная ароматом скошенной травы...

Дальше все как по сценарию: наливаю чай, достаю бутерброд. И в этот момент из глубины кустов выскакивает мухоловка и оказывается на веточке напротив меня — снимай — не хочу. Сама кроха и такая ладненькая, а глазищи, как у зарянки — крупные, с бликами погожего августа и моим отражением. Сидит, как завороченная, не улетает. И я замешкалась, не могу наглядеться на птичку — нечаястая она гостья в наших парках.

День сегодня выдался жаркий, хотя пасмурное утро ничего кроме дождя не предвещало. Но надо провести птах — как там у них дела? Одновременно со мной засобирались плоские местами с разрывами, безликие облака — сегодня нам не по пути, и вскоре небо прояснилось. А бывает, когда они, покладистые и отзывчивые, подхватывают мой голос. Я выбираю самое красивое и многослойное облако с завитушками. Оно не спеша проплывает в пространстве, бережно уложив на свою спину мое приветствие Миру: «Доброе утро!»

Завтра — Яблочный Спас — люблю этот праздник. Захожу под сень яблонь проверить, не нападало ли за ночь яблок. Крапива уже не злющая, но все так же норовит дотронуться до руки и слегка кольнуть; повсюду ярко-розовые башмачки недотроги железистой — растение с меня ростом. Вдруг на веточке на уровне моих глаз птичий малыш — скок-поскок. «Кто таков?» Шустрый — на месте не сидит. Завтра ни свет ни заря проснусь, сюда примчусь — к птенцу и дереву-общежитию, к туману и нападавшим яблокам... Встану на пригорке, на перекрестке тропинок, лицом к солнцу и, разведя руки, поприветствую новый день. Потом обниму березку. Она выслушает меня, пошелестит листочками — так и общаемся. Соберу букетик душистого клевера лугового. Достану его уже на работе, а он влажный от росы и теплый, согретый дыханием солнца, — лето в нем живет.

Вчера прилетал средний пестрый дятел. Долбил-долбил сухую ветку — неудобно. Улетел. Озорные пушистики-лазоревки лихо переворачиваются и повисают на лапках, вдруг срываются и цепляются за расфуфыренный бодяк полевой, треплют свалывшиеся пуховые комочки.

За происходящим вокруг внимательно следит пустельга — высоко сидит. Помню, в прошлом году ни один день, проведенный в Царицыно, не проходил без встречи с семейством пустельги. И свой первый снимок этого элегантного хищника мне удалось сделать с достаточно близкого расстояния. Этим летом я лишь дважды видела пустельгу.

Транзитом побывали здесь ополовники — мимимишные создания с длинным хвостом. Переговаривались, переговаривались и дружно двинулись в сторону пруда.

На днях сфотографировала овсянку, но непонятно какую. Поспрашивала коллег-бердвотчеров. «Овсянка-крошка», «обыкновенная овсянка», «овсянка-ремез», «тростниковая овсянка» (в этом году в зоне тростников гнездились несколько пар) — разные варианты прозвучали. Наличие длинной светлой брови и светлой каемки на крыльях вызывают сомнения. Скорее я предположила бы, что это молодая самка дубровника, но чудеса разве случаются?

Я не сдавалась — все искала созревшие шары козлобородника. Но растение раскидало свои парашютики и осталось торчать высохшими покрывшимися коричневатобелой пленкой столбиками.

Каждое утро в офисе начинается одинаково — с общения с козлобородником. На столе в прозрачной пластиковой чаше, весьма уютной, живет пушистый шар, напоминающий одуванчик-переросток. Я принесла его с Царицынских холмов. Осторожно срезала с длинной, худой ножки пушистика, готового в любую минуту от дуновения ветра развеять по окрестностям свои семенные летучки. Перво-наперво открываю куполообразную крышку — он начинает дышать.

— Его надо помыть, — морщится коллега. — Такой неопрятный.

— Есть немного, — я легонько трогаю его тонюсенькие волоски. — Но тогда он размокнет, сгниет. А так есть шанс, что выживет как сухоцвет, — я отстаиваю его интересы и гадаю, доживет ли до будущего лета...

Он, скукожившийся в своем ограниченном пространстве, распрямляется — то ли от моих слов, то ли от потока воздуха... Помню: стоит он влажный от росы — на хохолках прозрачные капельки. Посмотришь поближе — увидишь в них свое отражение. Касаюсь губами нежных парашютиков, и на кончике носа остается капелька — щекотно и радостно.

Нехотя разжимаю руки и отпускаю лето... Август постепенно, без суеты и спешки, завершает свои дела. Каждый его шаг выверен и приближает к тому периоду, когда становится нелегко от промозглости и холодов, солнца катастрофически не хватает, а душа просит встречи с румяными рассветами. Сейчас меня как никогда влечет к любимым тропам — скоро их не отыщешь под снегом. А пока можно насладиться рассветной тишиной. Но мои утренние прогулки становятся все короче. Светает позже, и не успеешь оглянуться, уже пора бежать на работу. Но я обязательно вернусь — через день, неделю, с весной.

Период наблюдений: 3 августа — 3 сентября 2024 г.
Восход Солнца: 4:40–5:39

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Художественный мир Гавриила Маркина затягивает читателя. Кажется, если долго вчитываться в его стихи, они начнут читать тебя. Многие путают созерцательность с внутренней пустотой, и это глубочайшее заблуждение: в момент созерцания человек как бы отказывается от своих границ и сливается с наблюдаемым объектом. Форма свободного стиха, пластичная, выстроенная интуитивно, как нельзя лучше подходит для выражения авторского мировоззрения. И как, читая эти стихи, не вспомнить о том, что происходит на южных рубежах нашей страны:

Корни в земле напились
крови убиенного —
и в мае покраснела листва;

тихие горностаевые облака,
ветвление; жук-дровосек
вслушался в биение березовых жил:

медленный, нитяной голос.

Основа символизации — многогранное восприятие того или иного предмета. Береза — символ России. Древние славяне оберегали это дерево и побаивались его, поскольку считали, что в стволы берез вселяются души мертвых. Свобода и чистота высшего начала подчеркнута эпитетом «горностаевый» — на небе все прекрасно и совершенно, даже облака, и неслучайно упомянут этот зверек: по легенде, горностаи готовы скорее умереть, чем испачкать свою шубку в грязи. А еще горностаевая мантия — символ королевской власти, и невольно задумываешься, читая эти строки: если все на земле происходит ужасающе не так, неужели это попущено свыше?..

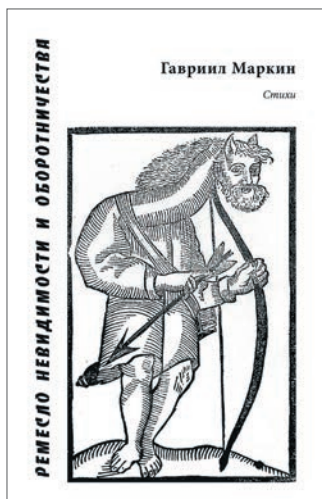
Образы не просто узнаваемы, они архетипичны, кроме того, воспеты в массовой культуре. Стоит произнести вслух слово «кровь», ассоциативный ряд «смерть — земля — трава — продолжение жизни» выстраивается сам собой. Но слышим ли мы эти процессы внутренним слухом, рассматриваем ли мы их как бы изнутри, пытаемся прочувствовать алхимическую сущность единства всех уровней организации живого? Точка зрения Гавриила Маркина непривычна для читателя: листва меняет цвет, а значит, смирения перед неизбежным не происходит:

в оседлые руины шмеля
претворяется
топография трех небес
трех земель и трех вод —

пока держится в раме
до хрипоты истончившийся год
весне не глотать своего
теплого молока

Обертона религиозной поэзии, безусловно, присутствуют в этом тексте, так же, как мрачноватый сказочный мотив — троекратный повтор и без того сакрального для русского человека числа «три» — вызывает в воображении читателя то ли фигуру кота-баюна, то ли идиллию кисельных берегов. Слышится в мелодии этого стихотворения звенящий флажолет античной философии, правда, до седьмого неба — рая — лирический герой Гавриила Маркина не добирается. Чтобы туда попасть, необходимо испытать очень сильные эмоции, которые не выписываются в общий эмоциональный фон представленных в этой книге стихотворений: тревожный,

Гавриил Маркин
Ремесло невидимости
и оборотничества
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

настороженный, ожидающий перемен. А перемены — это нелегко, даже если речь идет о том, как зима уступает дорогу весне. И мы снова обращаем внимание на невидимые глазу и неподвластные сознанию метаморфозы: кто-нибудь может увидеть время, зафиксировать, как сменяют друг друга времена года?.. Мы можем оценить только результаты движения времени, но сам процесс от нас скрыт. Троичность, божественность этого мира Маркин не шифрует, вот она, пожалуй, лежит перед тобой, как на ладони, но назвать ее по имени — значит отречься от фольклорных элементов, от темного дыхания язычества, от массы других интересных вещей — легенд, преданий, суеверий, объясняющих устройство нашего мира. А ведь в неотвратимой цикличности смены времен года кроется великая метафора, суть христианства:

Те люди верили, что листва — это Бог,
и осенью плач стоял в их поселениях,
ибо умирал Господь, чтоб воскреснуть
в холодном северном мае; —

как хорошо сказано! Мы привыкли думать, что изменение картины мира русского человека происходило в процессе освоения христианством народного календаря, но здесь мы видим «перевертыш», от которого у меня лично радуется душа — чисто евангельское развитие событий: люди изначально знали, что Бог един, но, будучи изгнанными из рая, забыли об этом и вынуждены заново возвращаться к Нему, через природу, через генетическую память, которую невозможно стереть. Поэт обращает наше внимание на то, что человеческая логика линейна, но руководят всеми нами совсем другие законы, точнее Закон, неписанный, но — главный:

это согласие, до самого конца неизвестное
третьему отделению
императорской канцелярии,
так и сгнуло в своих лесах
и шепчущих трясиных;
и ветры собирают листья в пригоршни
под сонными звездами.

Гавриил Маркин работает как исследователь, причем, наблюдая трансформацию природы, предпочитает открывать читателю неочевидное. Для христиан осень — время обновления. Это период раздумий и тишины, подготовки к зиме. Осень — самый спокойный период в году: холода еще впереди, а урожай уже собран. Это время умиротворения, когда «сверкающие облака октября / изредка заплывают в руки». Красота осени — это поэзия преобразования. И если шорох опадающей листвы, этот уютный, теплый звук, мы воспринимаем извне, то символический смысл природных явлений скрыт от посторонних глаз. «Ремесло невидимости и оборотничества» — сборник, целиком посвященный переменам, как в психике человека, так и в окружающем мире, и реакции лирического героя на эти изменения. Первый этап адаптации — осознание перемен, затем необходимо принятие неизбежного, а результатом становится философское отношение к миру:

Как ни искал стеклодув форму
истины, результат был один —
форма песочных часов.

От этого древнего образа веет смертельным холодком — когда осознаешь символику образа, не поддаешься реакциям тревоги, находясь в потоке ежедневной суеты. Интровертированная, прохладная, взаимодействующая с темной стороной человека, поэзия Гавриила Маркина воспринимается нами как пространство возможных проявлений реальности, по отношению к которому каждый читатель должен определить свое место. Тем она и хороша, что, увлекая, не навязывает себя как единственно возможную точку зрения:

ходил, как река,
нараспашку,

говорить разучился,
чтобы остаться таким, как и прежде;

иней,
лестницы трав,
оловяные якоря облаков —
чтобы остаться.

Созерцание — это наука оставлять все, что видишь, таким, какое оно есть. В стихотворениях Гавриила Маркина не встретишь разделения вещей на возвышенные и обыденные. Его лирический герой не оценивает происходящее. И, самое главное, не вмешивается. Ритм верлибра, в отличие от жесткой конструкции традиционного стихотворения, формирует у читателя отсутствие ожиданий — как в звучании, так и в смысловом отношении. Эта непривязанность ощущается как тотальное присутствие в настоящем, довольно непривычное, зудящее и, как следствие, рожающее особое коммуникативное удовольствие. Чувство полноты и единства жизненного пространства, которым наполнена эта книга, сигнализирует о глубокой духовной зрелости говорящего. Для автора гораздо более важен поиск соприкосновения точек зрения, нежели доминирование собственного «я». А ведь это так необходимо людям в суровой реальности, которая подкидывает все новые и новые события, одно другого не слабее...

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА

В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ
« ПОЭТОГРАД »

тел.: • 8 (495) 971 79 25

почта • POETOGRAD@MAIL.RU

сайт • <http://www.poetograd.ru/>

НОВИНКИ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА»

Девятнадцатая книга стихотворений известного русского поэта **Татьяны Кайсаровой** наполнена произведениями, совершенно разными по жанру и стилистике. Сборник «Слепое сопряжение» можно условно разбить на четыре главы, каждая из которых отражает определенную грань личности автора: любовная и философская лирика, стихи сегодняшнего времени и сонеты.

Да, мы переживаем суровые времена. Тяжесть земного бытия, напряженная внешнеполитическая обстановка — все это волнует автора, заставляя ее высказываться резко и пессимистично:

Дымится мир. Толпа глотает пыль.
В полях давно не злаки, а ковыль
колышется, не усмиряя спесь.
А блок шутов готовит карнавал,
выплескивая гендерную взвесь
в цветные заводы кривых зеркал,
и бесполезен поиск антитез.

Чувствуя беззащитность перед окружающим миром, человек стремится «перекроить» этот мир под себя, забывая, однако, что, как поется в популярной советской песне, «этот мир придуман не нами»... Перед глазами автора — вечная неизбежность классовой борьбы. Татьяна Кайсарова беспристрастно описывает капиталистическую модель мира: современное общество настолько сильно утонуло в экономике роста и стремлению к наживе, что даже у самых ярких сторонников «западной демократии» закрадываются сомнения в правильности избранного пути. Что говорить о русском человеке, для которого никоим образом несвойственно стяжательство? В христианском, тем более в православном понимании нет места ненависти и классовой борьбе. К сожалению, до полного осознания этой великой заповеди человечеству в целом очень и очень далеко. Отдельные личности, к которым, безусловно, относится автор, тяжело переживают подобное положение вещей. Эти люди ощущают единство со всем миром и отдают себе отчет в том, что на чужом несчастье своего счастья не построишь:

Не стоит двигать стрелку до предела,
повелевать смещением времен.
Кто слепо крут, пожалуй, не умен,
а для глупцов нет времени и дела.
В пространстве выход к свету предreshен!

Хотелось бы, чтобы выход к свету оказался бы не просто красивой метафорой, рожденной поэтическим сознанием, и не был бы понят буквально, став последней вспышкой ядерного взрыва... В противовес стихотворениям «на злобу дня» любовная лирика Татьяны Кайсаровой умиротворяет читателя, попутно отвергая опасный стереотип о любви-наваждении. Автор мягко, но уверенно говорит нам о том, что лишь зрелая любовь является подлинной:

Татьяна Кайсарова
Слепое сопряжение
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Но я слепой любовь не назову,
а зрячая разлук не измеряет.
Она и впрямь подобна божеству —
дыханием сомненья растворяет.

И ведь не поспоришь! Так называемая «слепая любовь» беспощадна как к слепцу, так и к объекту его (или ее) дыхания. Ничего хорошего из таких отношений, как правило, не выходит. Мы можем идеализировать человека, которого любим, и пожертвовать ему все, что имеем, забыв о себе. Наши эмоции настолько сильны, что затмевают разум. Мы можем творить все, что заблагорассудится, зачастую действуя человеку во вред, поскольку не в состоянии поддерживать малейшую объективность по отношению к «любимке». Наш ум настолько заморочен, что находит оправдания всему: и недостойному поведению человека, и собственным поступкам. Недаром в народе сложилась поговорка: «Любовь зла, полюбишь и парнокопытное животное», которая грубовато намекает: не знает якобы любящий свою якобы «половинку», видит в другом те качества, которые сам себе придумал... Сложно назвать эту смесь идеализации и влечения тем высоким словом, которым она сама себя провозглашает.

Нет, настоящее чувство другое: спокойное, чистое, и, главное, — благословенное:

И покуда наших душ тепло
греет эти сумрачные дали,
Серафима тонкое крыло
будет оберегом от печали.

Церковная лексика, аккуратно вплетенная в текст стихотворения, подчеркивает: любовь — переживание духовное. Не абы какое слово ставит поэт в противовес всем жизненным невзгодам. Ее лирическую героиню оберегает один из «серафимов», высших ангельских чинов, которые обладают способностью подражать Богу. По своей чистоте они превосходят все священное. А все потому, что настоящая любовь приближает любящего к изначальному замыслу Творца. Только она способна и преодолеть горечь разлуки, и выдержать испытание временем.

Для лирической героини Татьяны Кайсаровой важно ощущение единства не только с миром, но, в первую очередь, с Тем, кто этот мир придумал. В этой благостной тишине исчезает маленькое человеческое «я»:

И только в отдаленье соловей
вечерней трелью, видно, неспроста,
витийствует по милости Христа
и высшей благосклонности своей.

Бог и есть тишина. Мы должны внимать Ему. А любимая русская птица, соловей, один из символов России, — всего лишь скромная птаха, которой свыше позволено радовать людей своими трелями. Завершая книгу, Татьяна Кайсарова дает интересное определение земному существованию человека: «Наша судьба — самое непредсказуемое слепое сопряжение, которое только может быть». Именно «слепое», которое мы не в силах ни предугадать, ни отменить. И здесь автор немного противоречит себе, утверждая далее: «Незримо, неощутимо соединяются и сплетаются нити судьбы, и возникает полотно нашей жизни». Для нас — да, это хитросплетение уму непостижимо. Но с точки зрения Божественной логики случайностей не существует, более того, существует поговорка «Бог вслепую не подает». Эта высшая закономерность, эта неподвластная сознанию двойственность ощущается в каждой строке поэта. Ее стихотворения, наполненные яркими метафорами, выглядят современно и свежо. Казалось бы, поэт следует традиционным канонам, один из разделов сборника и вовсе посвящен твердой стихотворной форме, сложившейся много веков назад, — сонету. Но и сонет не кажется архаичным, поскольку посвящен тому, что волнует современного поэта: рыжая осень, январская неделя, рождественские дни — все это наполнено неповторимым авторским настроением. Новая книга Татьяны Кайсаровой содержит непохожие и разнообразные стихотворения, которые обязательно найдут заинтересованных читателей.

Вера КИУЛИНА

НОВОСТИ

НОВАЯ КНИГА ВЯЧЕСЛАВА КУПРИЯНОВА

28 ноября 2024 года в Библиотеке «Дом А. Ф. Лосева» прошла презентация книги стихов **Вячеслава Куприянова «Райские птицы поэзии»**, вышедшей в **Издательстве Евгения Степанова**, в престижной серии «Авангарнды». Ранее в этой серии были изданы книги **Сергея Бирюкова**, **Константина Кедрова**, **Юрия Казарина** и многих других замечательных поэтов. Вступительное слово о Вячеславе Куприянове сказал Евгений Степанов. Затем Вячеслав Глебович читал стихи из вышедшей книги, а также из других сборников. Ответил на многочисленные вопросы аудитории. Вел вечер писатель, секретарь Союза писателей Москвы **Александр Себелев**.

Сергей КИУЛИН

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

современная писательская организация, идущая в ногу со временем
и отвечающая потребностям творческих людей.

КАК ВСТУПИТЬ? • КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА? • КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Полную информацию Вы сможете найти на сайте организации

<http://writer21.ru/>

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ДУДА
ПОЧТИ ЕЖЕДНЕВНО

Александр Дуда — поэт, прозаик. Родился в 1971 году. Имеет высшее образование, а также получил степень MBA (Master of Business Administration, General Management) в Государственном Университете Управления. Основной вид деятельности — корпоративное управление в российских компаниях, корпорациях и многоотраслевых холдингах. Издал в 2022 году «КонспектыЯМы», сборник рифмочеловеческих и очерков/протоколов, в 2024 году сборник «Зачет на Я Книжка» (Сага КонСпектатора в рифмочеловеческих, между Богом и блудом, а также сборник «БроШура» (Уроки стихосложения и литературы) в 2024 году. Слушатель ПЛК (Профессиональные литературные курсы) при Союзе писателей XXI века. В газете «Литературные известия» публикуется впервые. Орфография сохранена авторская.

* * *

У поэтов жизнь, увы, коротка,
Она ярко горит — как огонь,
Птицей Свободы летит в облака,
По земле несется как конь...

* * *

Тебе

Суицида не будет, не жди!

* * *

Я умираю и воскресаю почти ежедневно.

* * *

Мир не является черно-белым,
Но бывают сюжеты, когда
Люди сами ставят пределы,
Облачаясь в друга или врага.

* * *

Не важно, где Твой Путь проложен:
В невежестве иль среди мудрствующих особ.
В течение жизни каждому положен
Урок, где жарко и от холода озноб...

ГАДЮКИ — НАШИ ДРУЗЬЯ

Тот год для меня выдался нелегким, символичным и, как водится, в трудные времена чаще заставлял задуматься о высоком и вечном. Пасха пришлось на майские праздники, в силу сложившихся обстоятельств Я в это время был в деревне одной из российских губерний, в шутку мною называемой Глухоманью. Я был вместе с детьми, общался с Природой, выгуливал на свежем воздухе, наслаждаясь прекрасными видами, распускающимися цветами, пением птиц и прочими прелестями весны. Половодье в этот год было хорошим, река разлилась широко, по-русски с размахом, залил пойменный берег. Она образовала собой бескрайнюю водную гладь, чем-то напоминавшую море, которая манила к себе своей синевой и серебристым блеском воды на солнце. Дни стояли по-летнему жаркие, вода подходила непосредственно к заборам огороженных дачных участков и притягивала к себе все живое, словно магнит. Я решил, что моему трехлетнему сыну Илье будет интересно запустить кораблик, который давно ждал своего большого плавания. Настал подходящий момент, благо вода была всего лишь чуть в более сотни шагов от нашей хижинки и не нужно было далеко идти. Мы выдвинулись в сторону реки и, отойдя немного от дома, тут же наткнулись на проползающую рядом гадюку. От яркого солнечного света она выделялась на общем фоне своей черной, как смоль, блестящей переливающейся кожей. Увидев нас, она испуганно и светливо извиваясь, быстро поползла прочь, прячась в густой траве. Я показал сыну на нее, объяснил, что это ядовитая змея, сказал, что трогать ее ни в коем случае нельзя и лучше держаться от нее подальше, так как поведение ее непредсказуемо, а укус очень опасен. Мы обошли ее стороной и продолжили наш путь. Не прошло и минуты, как Мы повстречали еще одну гадюку — видимо, сильная жара и активная весна пробудили всех представителей Природы, включая змей. Но на этом встречи с гадюками не закончились: спустя некоторое время попала еще одна. Учитывая то, что Мы шли по проезду, отсыпанному щебнем, а не по травяным зарослям, такое количество змей на коротком отрезке мне показалось довольно редким и странным, и Я с присущей тягой к символизму начал искать в этом не только причину, но и глубокий смысл. Подойдя к кромке воды и приготовившись к долгожданному запуску кораблика, Я обнаружил еще одну гадюку. Она проползла совсем рядом с голенищем невысоких детских резиновых сапог Ильи. Я, недолго думая, схватив палку, лежащую неподалеку, нанес несколько сокрушительных ударов по ядовитой змее, угрожавшей моему сыну. Мысль, которая мельком обрамила необычность этого события, была проста: ядовитая гадюка — это олицетворение зла, а мои действия в день Пасхи походили на некую войну и победу Добра над Злом. Мое богатое воображение не успело разыграться в развитии этой мысли, так как в этот момент Я заметил автомобиль, который приближался к нам, двигаясь по проселочной дороге, ведущей от Храма к деревне. За рулем машины находился человек, который, по всей видимости, отвез кого-то на службу и возвращался домой из церкви. Приблизившись

к нам и увидев меня с палкой в руке, Он в шутку спросил: «Что, дрова собираешь?». Я, находясь под впечатлением такого обилия змей и своей праведной победы над ними, тут же ему ответил: «Гадюки обнаглели, повыползали в огромном количестве, чуть было Илью не укусили, пришлось одну убить». Водитель автомобиля с серьезным видом сразу же вынес свой вердикт: «Сегодня Пасха, поэтому никого убивать нельзя». Сказав это, Он сразу же поехал дальше, оставив меня наедине в размышлениях от услышанного. Фраза, которую Он сказал, мне напоминала вещание с амвона или проповедь странствующего святого апостола,двигающегося не откуда-нибудь, а от Храма. Первое ощущение от Его слов было подобно ушагу ледяной воды, вылитой на меня в жаркий день. Ожидание солидарности с моими действиями не то, чтобы не оправдалось, а породило необъяснимое количество противоречивых мыслей, эмоций и чувств. Это было похоже на смесь из возмущения, непонимания и, конечно же, осуждения. Сначала, оправдываясь перед самим собой, Я подумал: ведь Я вынужденно убил ее, так как хотел предотвратить укус ядовитой змеи, которая угрожала моему маленькому сыну. И что, значит, в день Пасхи никого убивать нельзя? А завтра и в другие дни можно? Или кого-то можно, а кого-то нельзя? Внутренняя и безмолвная волна возмущения нарастала подобно цунами. Отказ от принятия услышанных слов был вызван еще и тем обстоятельством, что человек, сказавший мне это, в прошлом отбыл срок в местах лишения свободы не за что-нибудь, а за убийство... и не гадюки, а человека. Поэтому тут же в моей голове возник резонный вопрос: «Кто бы мне все это говорил? Кто Он такой, чтобы читать мне нотации?»... Спустя какое-то время, Я постарался успокоить свой мыслительный порыв, уж больно много было символов, событий и смыслов для короткого промежутка времени. Я переключил свое внимание на ту цель, ради которой Мы вместе с Ильей вышли к реке, и наконец, начали запускать кораблик. Илюха был рад, и Я с наслаждением наблюдал за этой забавой. Не совсем было понятно, кому это развлечение было больше по Душе: мне или сыну. Думаю, что нам обоим понравилось. Наигравшись в кораблики, Мы вернулись домой, и меня вновь посетила мысль про символизм всего произошедшего. Я как будто отмотал киноленту назад и увидел вновь все эпизоды

минувшего дня. Сквозь воспоминания, которые мелькали в памяти, подобно грозным тучам, вдруг как молния четко проявилась мысль и словно яркий солнечный свет после весеннего дождя осветила мой ум: а кто как ни этот «случайный» человек, отсидевший длительный срок за убийство, двигаясь из Храма, должен был встретиться со мной и научить меня не убивать гадюк? Не кто-то другой, а именно Он, именно Его устами были сказаны эти слова и именно в день Светлой Пасхи ...Так, Он, возможно, и сам не догадываясь об этом, невольно стал моим Учителем в вопросах гуманного обращения с гадюками. С тех пор Я перестал убивать змей, и, надо заметить, встречаться с ними Я стал гораздо реже. А своим детям теперь говорю: «Гадюки — наши друзья!».

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ИВОНИН
В ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Андрей Ивонин — поэт. Родился в 1959 году в Москве. Член Союза Театральных Деятелей РФ. Почетный работник культуры г. Москвы. Член Союза писателей XXI века с 2021 года. Стихи пишет с юности. В 1984 году занимался в литературной студии под руководством писательницы, прозаика, поэта и переводчика Ольги Ивановны Татариновой. Является членом секции поэзии Московского союза литераторов. Публикации в литературных журналах и альманахах. Лауреат Большой Международной Литературной Премии «Серебряный стрелец» (2011 г.), национальной литературной премии «Поэт года» (2016 г.), 7-й Международной поэтической премии «Образ» (2019 г.). Автор сборников стихотворений: «Слово» — 2008 г., «Начало» — 2015 г., «Повторенье пройденного» — 2018 г., «Говори со мной» — 2019 г., «Только стихи» — 2021 г., «Простые вещи» — 2025 г. Живет в Москве.

* * *

Полусплю, полубодрствую. Еду —
сам не знаю куда. Как в бреду,
о возвышенных смыслах беседу
сам с собой непрерывно веду.

Взгромоздившись на верхнюю полку,
под качанье вагонных рессор,
сам с собой, тет-а-тет, втихомолку,
задушевный веду разговор.

Про поступки, чьи цели не ясны,
про течение бессмысленных лет,
и про то, что стремленье напрасны,
и что правды по-прежнему нет.

И внимая чугунным колесам,
что на рельсовых стыках стучат,
задаюсь неизбежным вопросом:
кто же в этом во всем виноват?

А потом, после мутного чая,
засыпаю под стуки колес.
И во сне что-то там отвечаю
на поставленный выше вопрос.

* * *

Птичьим гомоном наполненные рощи:
горихвости, зяблики, синицы.
И чего, казалось, было б проще,
замереть, застыть, остановиться.
Вслушаться в их гам,
как в детстве,
возле
приоткрытой двери в кущи рая,
в разговор беседующих взрослых,
половины слов не понимая.

* * *

В обычный день идешь себе такой
по улице, что кажется рекой,
плывешь в толпе в разноголосом гаме,
и наверху... вон там... наискосок,
вдруг замечаешь — кружится листок,
простой кленовый листик над домами.

И вроде бы все так же, как всегда:
натянuty на мачтах провода,
и солнце сеет свет, хоть и вполсилы.
И день так изумительно хорош.
А ты такой по улице идешь
и понимаешь — осень наступила.

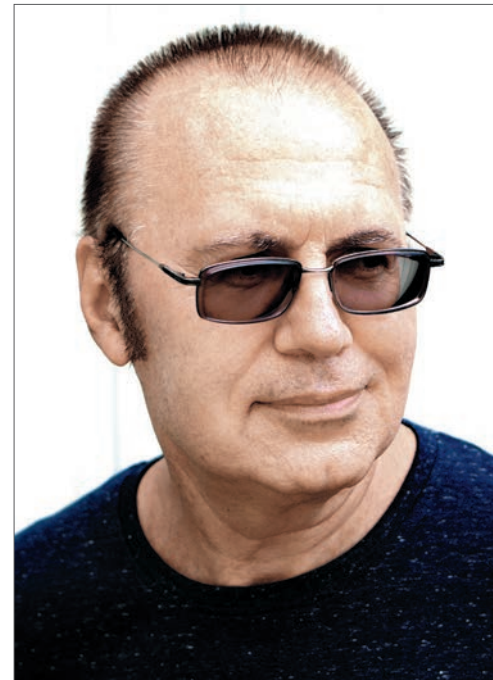
* * *

Город, присыпанный снегом, угрюм и сер.
Сухая поэмка вдоль улицы знай метет,
все покрывая белесой канвой, например,
стылые стены, на мерзлом асфальте лед.

Лежища спальных кварталов скрывает тень.
Зданий шеренги похожи на книг тома.
Вечер является раньше, чем кончился день —
тусклое солнце ворующий клептоман.

Скользкой дороги едва уловим пунктир,
такой, что навряд ли сюда доберешься впрямь.
Будто бы впрямь так устроен весь этот мир,
лишь для того, чтобы здесь родиться и умереть.

Но продолжаешь идти сквозь пургу и снег,
по бездорожью почти наугад кружить,
не просыпаясь, не размыкая век,
спорить, на что-то надеяться, верить, жить.

* * *

Вздогнула, тронулась, сдвинулась с места зима.
Площади, улицы, скверы, бульвары, дома —
все покачнулось, очнулось, в глазах поплыло,
хрустнуло хрупко, как под ногами стекло.

Глаз до утра не сомкнешь, и всю ночь напролет
слышишь, как пенится воздух и крошится лед.
Это весна, говоря с небесами на ты,
навстречу идет, не стесняясь своей наготы.

Ветками верб чуть касаясь высоких небес,
тянется к солнцу привставший на цыпочки лес,
душу синичьими трелями разбередив:
Все впереди — говорит тебе — все впереди.

Все впереди, все исполнится точно и в срок.
Дай только время, немного терпенья, дружок,
и неудачи твои за сугробами канут во тьму.
Ты только верь. — И так хочется верить ему.

НОВИНКИ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА»

Игра одностий переливается оттенками и нюансами
смыслов:

Чуду — да!

Как лозунг жизни; или так — искусствovedческое, про
Куинджи:

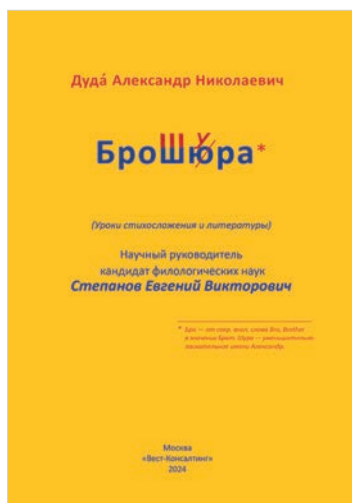
Архип не охрип, Его голос — краски.

Книга **Александра Дуды «БроШура»**, выпущенная изда-
тельством «Вест-Консалтинг», полна разнообразной сло-
венной игры, вспышек и молний, лапидарности, даваемой
емкостью созвучий и восхитительной метафизической подо-
плекой:

Падают дроны, ракеты и джеты,
Рядом вирус, чума и пир.
Все те же герои, все те же сюжеты,
Вечная тема — «Война и Мир».

Жизнь — краткая штука, как ни трагично и банально это
звучит. Соответственно — должны быть краткими и стихи,
чтобы точно бить в цель:

Рифмую мысли, не зовите их стихами,
Мне терпка пафосная сласть.
Я наслаждаюсь тайной Мироздания
И чувствую магическую власть...

Александр Дуда
БроШура
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Стихи Александра Дуды точны — попадают в мишень чита-
тельского внимания.

Парадоксально закрученные, они порой отсвечивают гру-
стью, показывая меру правды сквозь искренность образов:

У поэтов жизнь, увы, коротка,
Она ярко горит — как огонь,
Птицей Свободы летит в облака,
По земле несется как конь...

Ракурсы разочарований и онтологию очарованности,
брызги радости и вспышки веселья вкладывает поэт, изучая
действительность жизни и расшифровывая емкость собст-
венного «я», в свои созвучия:

Мы все двухцветны, словно клавиши рояля,
В нас До, и Соль, и Фа-диез,
И частью Бог, которого распяли,
И в ноту каждую стремится бес...

Сильно наполненная, «БроШура» отправляется в мир —
искать читателей, родственные души, поклонников...
Остается пожелать успехов!

Александр БАЛТИН

ПОЭЗИЯ

ТАТЬЯНА КАЙСАРОВА
В ПРОСТОРАХ ВСЕЛЕННОЙ

Татьяна Кайсарова — поэт, критик, художница. Окончила художественно-графический факультет Государственного педагогического университета. Работала преподавателем, художественным редактором, редактором энциклопедических изданий. Член Союза писателей России (с 1999 г.), Союза писателей XXI века (с 2011 г.), Союза литераторов России (с 1999 г.), Международного Союза журналистов (с 2001 г.). Автор многих книг и публикаций. Живет в Москве.

Летела лава огненным потоком,
сметая все преграды и круша
замки запретов. Извини, душа,
не убегай холодным водостокom.

Но кто-то терпеливо пеленал
и нежно гладил лепестки огня,
неповторимой нежностью маня,
не улетел, не сгинул, не устал.

* * *

Тебе ль не знать, когда смыкает свет
для нас двоих таинственные створы,
что ничего на свете больше нет,
лишь сердца потаенные просторы.

Душа вскипает капельками слез,
в глубинах бездны плавятся алмазы.
Мне жалко дрему сахарных берез,
что нас во сне не видели ни разу.

ДУМАЮ О ТЕБЕ

Ремейк окраин. Ближний бор в тиши.
Немые облака качают воды...
И я молчу. Слова, как мураши,
кусают губы, требуя свободы.

А рядом воркованье голубей...
Уймись, разговорчивые птицы!
Я думаю, любимый, о тебе,
перебирая памяти страницы.

* * *

Весна, затерянная где-то
за пустотой.
Дождем и тиной пахнет лето
и теплотой.

Подслеповатых струй армада
спешит в рассвет,
и ливень за оградой сада
упал в кювет.

И лишь в глазах твоих бездонных
хрустальный мрак,
как помраченье вишен сонных —
восторг и страх.

Мне шепот твой уже не слышен,
Остатки тьмы
невнятной тревогой дышат —
побеждены.

* * *

Если мимо, то это не выход, поверь.
По сгоревшим поленьям недавних костров,
по унылым объемам забытых дворов,
по обломкам бесценных потерь.

Не уснуть, не проснуться, лишь медленный свет,
и нельзя обернуться, покинуть приют.
Слышен звук — это ангелы горько поют,
это падают звезды в кювет.

Ненадежное сердце — судьба мотылька:
трепетанье, скольжение, взлет.
А живая душа все кого-то зовет
с безымянных небес потолка.

* * *

Затерялись в просторах вселенной,
разбредись, потеряли пути
в этой вечности, в этой мгновенной,
бесконечно нелепой. Прости.

По дорогам и просекам сна,
по туманным окраинам фальши
гонит мысли тугая волна
в приоткрытые ставни и дальше.

К тем рассветам, где гасли огни
потерявшего след покоя,
к тем кострам, где мы были одни...
Да сейчас и не вспомнить такое.

Просветлений внезапных пора —
не игра, не игра, не игра...

СЕРЕБРЯНЫЙ ПУТЬ

Привыкай уходить по прохладному выдоху ночи,
мимо стен и оград, и столбов с неживыми огнями,
мимо слов, что навеки теперь между нами,
по дороге разлуки, по узкой тропе многоточий.

У подножья скалы оборвется серебряный путь.
Стихнет шум вакханалий. С тобою вино и вакханка:
китайка, арийка, однако, скорее, славянка.
Вы у странных озер, чья вода, как кипящая ртуть.

Это явь или сон? Ощущение жизни такое,
что несносно смотреть и нельзя от себя оттолкнуть.
Слушай пенье славянки, припомни серебряный путь
меж мерцающих лун, в галактическом мнимом покое.

Только мучает холод и этот щемящий покой,
этот зов отдаленных звучаний земного разлада.
И волнующий зуммер, из дальнего звездного сада,
невозможно унять светлой нежностью, теплой рукой.

ВНЕЗАПНОЙ РАДОСТИ ГЛОТОК

Заветный друг, читай меня, читай,
читай, когда никто уже не слышит:
волнуется восток, а запад дышит
зловонным смрадом и чинит раздор.

Прими внезапной радости глоток,
здесь, у подножья новгородских сосен,
и пусть весь мир безумен и несносен,
но непреступен праведный порог.

Здесь наша ширь и воля, и простор,
и эта нескончаемая млечность,
где ощутима мысли быстротечность
и с небом непрерывен разговор.

ПРОЗА

АНДРЕЙ ТАРАКАНОВ
ЖИВОЕ СЕРДЦЕ
(РАССКАЗ)

Андрей Тараканов — врач, доктор медицины, прозаик. В 2025 году в издательстве «Вест-Консалтинг» выйдет его роман «Аутисты».

Часы старинные, с массивным маятником, с мелкой, едва заметной сеточкой на циферблате, с потускневшим лаком на деревянных боках, зашипели и пробили полдень. Сашка отложил в сторону начатую книжку. Не читалось. Да и сумеречно в комнате. Зимой даром, что день в разгаре. Если небо низко, то и солнца нет. Чахлые лучи его сквозь облака, сквозь молочный, дрожащий кисель, повисший над землей, едва пробьются рассеянным, блеклым светом. Заглянут уныло в окно и, словно вспомнив о делах неотложных, тут же поспешат исчезнуть. Сегодня такой день. С утра на улице не видать ничего. Сплошной туман — туманище! Такое только при самых лютых морозах случается. Не зря, едва попыталось солнышко постучать в окошко оранжевой своей, мохнатой рукавичкой, как тут же спряталось. Мороза, знать, боится. Наверняка, сидит сейчас солнце в своей избе, греется возле русской печи да поглядывает исподволь на замерзшее, заиндевшее окно дома Сашки. Мороз, он сильнее всех! Человека и зверье разное, и птицу по домам, убежищам своим, по гнездам разогнал. Даже солнце его страшится. А вот Сашка мороза не боится! Хоть на лыжах готов, хоть на ледянках, хоть дрова колоть, хоть по хозяйству со скотиной управляться. Любая работа Сашке по плечу. За всякое дело он берется с задором, с улыбкой. Еще и деда подгоняет! Бывало, так расстареется, что скинет свою шубейку, а со спины пар валит. Дед шумит, тревожится — озябнет Сашка, захворает, а тому все нипочем! Знай смеется, да шибче на работу налегает. Во всем положено проявлять себя равным со взрослыми. Как иначе? Недавно ему исполнилось аж десять лет! Только сегодня Сашке не радостно. Дед его, мастер резьбы по дереву, уехал спозаранку в райцентр, к кузнецу за особым инструментом — гнутой стамеской — клюкарзой. Да еще не простой, а с какой-то хитринкой. Сашка толком сам не знал, с какой. Знал лишь, что в руках деда та самая клюкарза превращалась в волшебную палочку. Гуляла по древесине легкого, страшного лешего или в русалку, что склонилась над своим отражением в воде. Сашка от такого чуда приходил в восторг. Хотелось и ему вырезать что-то диковинное, но дед требовал резать ложки! Сашка повиновался, хотя и ворчал. Ложки у Сашки получались не такими красивыми, как у деда. То кривая, то больше на черпак похожая, то выщербленная или с занозами. Дед брал его изделие в свои руки, кричал и приговаривал:

— Да уж... Не душевно. Но для навыка сойдет. Давай-ка еще одну. Сладится.

Сашка вздыхал и принимался за следующую ложку хотя и подозревал, что дело вовсе не в его неумелых руках, а в затейливом инструменте под названием клюкарза. Да не в обычном. Таковых у деда имелось множество. Секрет крылся именно в той стамеске, которой особенно дорожил дед, которой пользовался всегда и прятал после работы в стол. Стамеска как стамеска, и все же ощущалась в ее потемневшей, отполированной ручке, в вороненом, плавном изгибе клинка, тусклом блеске заточенного края какая-то таинственность, какая-то скрытая, неведомая сила, готовая выплеснуться наружу и лишь ожидавшая своего часа. Час этот наступал, едва дед отпирал ключом ящик своего стола, вынимал из него любимую клюкарзу, поглаживал ее нежно, крестился и, пошептав что-то над ней, принимался за работу.

— Ты чего там бормотал? — Попробовал старика Сашка.
— Просил открыть незримое. — На полном серьезе отвечал дед. — В каждом сучке, корешке, каждой коряжине скрыто неведомое. Узреть его не каждому дано, но такая власть у стамесочки имеется.
— Отвечает?
— А как же! Она ить живая.
— Так уж живая. Получается, и я могу просить? — Не унимался Сашка.
— И ты. — Соглашался дед.

Тут Сашка хмурился. Такой разговор у них случался не раз. Давно потерял счет, сколько раз Сашка перебирал весь набор инструментов для резьбы по дереву, что висели на стене, над

рабочим столом деда. Все эти стамески: прямые и полукруглые, рыбы хвосты и клюкарзы, эйсмусы, церазики и штихели. Только ни один из них не желал говорить с Сашкой.

— Я спрашивал. — С обидой замечал Сашка. — Они не отвечают.

— Так ты с трепетом инструмент в руки бери, с уважением — и услышишь его волшебный голос.

— Все так и делаю. Не получается. — Упрямылся Сашка.

— Получится. У меня же получилось. — Уже чуть не в полный голос смеялся дед.

«Хитрит дедушка, — думал про себя Сашка. — Не дает мне свою стамеску, что прячет у себя в столе. Говорит, что слишком тонка для меня, что этот инструмент лишь для мастера, что способен тоньше волоса стружку снять да в любом горбыле красоту увидеть. Только молчит, что его клюкарза не простая, а волшебная, говорящая. Вот бы мне такую. Иначе, с обыкновенным-то инструментом не то что фигурку, даже ложку вырезать красиво не удастся!»

Так думал Сашка, представляя, как однажды возьмет дедовскую клюкарзу. Пойдет в лес — тайгу. Там отыщет с помощью волшебного инструмента самую замысловатую сучковину и, по завету необычной стамески, вырежет из нее что-то такое, отчего не только у друзей-пацанов, но и у самого деда дух зайдет от восторга! Оставалось лишь выбрать подходящий момент. Тот настал однажды. Долго бродил Сашка по лесу, стоял возле вывернутых ветром елей, вздыбивших свои, покрытые землей, переплетенные корни, словно стены. Подбирал уроненные кедром, витиеватые, скрученные, покрытые наростами ветви. Подражая деду, важно постукивал по ним деревянной ручкой клюкарзы, спрашивая, словно советуясь с ней, не видит ли та в заготовке что-то такое, эдакое, но не получив ответа, следовал дальше. Не найдя ничего подходящего, Сашка вернулся домой расстроенный. Молчала клюкарза. Не отвечала на его расспросы. Видимо, догадалась, что не хозяин к ней обращался. Только еще большее расстройство взяло Сашку уже дома, когда похлопал он себя по карманам и понял, что потерял заветный дедов инструмент. Бежать обратно, искать? Дело пустое. Так и пришлось виниться за содеянное. Ожидая Сашку, что дед закричит, затопает ногами, даже сдернет со стены вожжи и отходит его по спине, но тот лишь покачал головой и огорченно произнес:

— Экий ты несуразный, Сашка! Мятущийся. Может, нам приобрести для тебя личный инструмент? Решено. Как соберусь в райцентр, возьму тебя с собой. Пойдем к кузнецу. Выберешь сам, что в сердце твоём отзовется.

От этого известия Сашка оказался сам не свой. Личный инструмент — показатель признания, мастерства. Мало кто из пацанов в деревне мог похвастать своим, специально для него изготовленным инструментом, а уж кто мог, тот пользовался особым уважением. Сашка дни считал, когда они с дедушкой отправятся в райцентр, но отрывной календарь на стене худел, пожелтели и облетели листья в садах, заалела, зардела тайга, а вскоре и вовсе покрылась снежным покрывалом. Дед словно забыл о своем обещании. Лишь хмурился и обрывал Сашкины приставания

— Достоинство веда себя! По взрослому. Терпение имей! Инструмент суетных и верхоглядыв не терпит.

Кто такие верхоглядывы — Сашка не знал, но подозревал, что это брякало, болтуны вроде Кольки, что жил за три дома от них, вверх по улице. Колька, хотя и старше Сашки на пару лет, но навыка ни к какому ремеслу не имел. Брали его к себе в воспитанники и шорник, и сапожник, и слепой дед Василий — гончар, и даже пастух Макар, умелец мастерить дудки и играть на них. Только ни у кого Колька надолго не задерживался. Не сохранялся меж Колькой и очередным наставником завет стариков — «Мастер, имей уважение к ученику, а ученик — не теряй усердия». Усердие — это не про Кольку. Он славился не только нерасторопностью, но великой ленью, а еще тем, что врал напрапалу и никогда не держал своего слова. Так и жил Колька под насмешками, важно заявляя, что едва окончит школу, сейчас же уедет в город и станет там большим начальником, а они, насмешники, еще придут к нему на поклон. Тогда-то он всем все и припомнит. Еще больше от таких слов смеялись пацаны. Не верили. Никто не хотел становиться похожим на Кольку. Сашка не исключение. Его мечта — походить на деда, чье слово — закон, дело — золото, а суд не обиден.

Сколь же велико оказалось разочарование Сашки, когда узнал он, что дед уехал в райцентр один, а его с собой не взял, хотя и обещал. Неспроста! Видимо, решил дед, что не готов Сашка пока еще к собственному инструменту, не оправдал ученик надежд мастера. С расстройством Сашка чуть не заплакал. С утра ходил сам не свой. Брался ложку резать — не режет, книжку читать — не читается. В окно поглядеть? И сквозь-то не видать ничего. Стекло сплошь льдом затянуло. Положил Сашка свою руку на оконную наледь. Холодно! Защипал, зацарапал лед по ладошке, но все же — чуть оттаял, позволил через образовавшуюся прогалинку разглядеть, что делается на улице. А на улице светлым-светло! Даром, что солнца нет. От снега все светится, искрится, сверкает. Деревья словно в сияющие, богатые шубы оделись. Могучими, неспешными волнами по полям, по взгоркам, по распадку разлилось снежное полотно. Крыши домов тоже белые. Только трубы торчат. Над трубами дымы тянутся вверх столбами, в самое небо. И небо белое. Словно нет других цветов. В день другой Сашка такой красоте порадовался бы, но не сегодня. Сегодня ему грустно. Может, на печку залезть? Печь — кудесница, все беды — болезни, грусть-усталость — как рукой снимает. Бывало, намается Сашка за день, заберется к вечеру на печь. Там на пыльной, затемненной кирпичной лежанке взвалится, зароеется в набросанные ватные телогрейки, овчинные полушубки да тулупы, положит голову на теплые, щекочущие щеку пимы и замрет тихонько. Настроится слушать, как внизу, в горнице, дед читает вслух газету, хотя газета и неинтересная вовсе. Так и заснет. Проснется поутру бодрый, сильный, радостный. Никакие невзгоды против печи не устоят. Только против сегодняшней печали даже печь казалась бессильной. Сашка поцарапал ногтем наледь на оконном стекле, заглянул еще раз в начавшую уже затягиваться инеем проталинку, сделанную им чуть раньше, и хотел отойти от окна, но заметил движущуюся по уличной дороге конягу по имени Француз. Попона на спине Француза покрылась пушистым инеем, а из ноздрей валил такой пар, что вокруг головы его висело огромное белое облако. Лошадка тянула за собой сани-розвальни с большой бочкой, наполненной водой. Возле бочки притулился возчик, похожий на бесформенную, снежную кучу в своем тулупе. Он держал в руках вожжи, временами встряхивал ими и покрикивал:

— Шевелись! Иностранец, французик беспардонный! Умное животное в ответ стригло ушами, но шаг не ускоряло. Оно прекрасно знало свои обязанности. Изю дня в день, в любую погоду путь его лежал от фермы к реке и обратно. Летом — запряженным в телегу, зимой — в сани с прилаженной к ним бочкой для воды. Не будь возчика, Француз и сам бы проделал весь этот путь в обе стороны. Только без возчика нельзя. Кто-то должен накачивать воду в бочку. Сашка проводил взглядом сани и восторженно. Вид лошадки, тянущей сани с водой, напомнил ему, как еще вчера дед просил его натаскать воды с реки, но он, увлеченный чтением, не отрываясь от книжки, жалобно заныл в ответ:

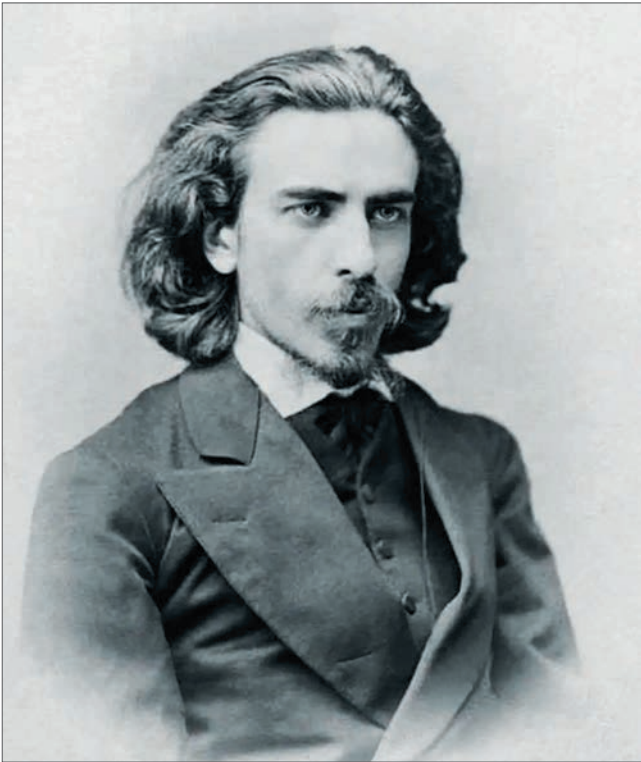
— Дед, почитать охота. Давай завтра за водой, можно?
— Завтра? — Удивился дедушка, но спорить не стал. Как и не напомнил Сашке о том, что назавтра они собирались вместе ехать с утра в райцентр. Он лишь хмыкнул и пробурчал: — Можно и завтра, но не подведи!

— Не подведу, дедушка, не сомневайся! — Отмахнулся Сашка и вновь с головой ушел в книжку.

Сейчас же, вспомнив о вчерашнем своем обещании, Сашка подпрыгнул на месте. Как же это он забыл! День на вторую половину склонился, дед вот-вот вернется из райцентра, а воды в доме как не было, так и нет! Опрометью бросился он из горницы. Сорвал с гвоздика полушубок, сунул босые ноги

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

ИСТИННОЕ ЕДИНСТВО

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) — сын известного русского историка **Сергея Михайловича Соловьёва** (1820–1879), младший брат писателя-романиста **Всеволода Сергеевича Соловьёва** (1849–1903) — вошел в историю отечественной литературы и религиозной мысли как выдающийся христианский философ, поэт, публицист, литературный критик.

Его наследие исполнено духовных прозрений и пророческих откровений. В начале XX века религиозно-философские идеи Вл. Соловьёва о человеке и мире легли в основу философии русского духовного возрождения, получили дальнейшее развитие в трудах многих религиозных философов, в кругу которых Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.А. Флоренский.

В изящной словесности поэты Серебряного века, особенно символисты, считали Соловьёва своим учителем. Наибольшее влияние он оказал на творчество Александра Блока (1880–1921). Создавая свой поэтический сборник «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), Блок был воодушевлен соловьёвскими философско-символическими идеями и образами. Душа мира, Вечная Женственность, Царица Небесная открылись Соловьёву в его собственном духовном опыте, религиозно-мистических видениях и переживаниях.

К «*Всеперорочной Деве Пречистой*» молитвенно обращался поэт-христианин, прославляя «*Всеблагодатную*» Богородицу в цикле стихотворений «Хвалы и моления Пресвятой Деве» (1883). Художественные открытия и религиозные озарения этого произведения не оставляют сомнений, что оно создавалось Соловьёвым по вдохновению Свыше:

В солнце одетая, звездно-венчанная,
Солнцем Превышним любимая Дева!
Свет Его вечный в себе Ты сокрыла!
Немощным звукам земного напева
Как вознестись к Тебе, Богом Желанная!
Дай же, молю, мне небесные крыла,
Ты, что веки свой слух не закрыла
Верного сердца мольбам,
Но, милосердная к тайным скорбям,
С помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томит меня тесная,
Дай же прибежище сердцу больному,
Праху земному,
Царица Небесная!

Непреходящий дух Рождества Христова побудил поэта к написанию дивного стихотворения «Во тьму веков та ночь уж отступила...» (1892).

Евангельское чудо Рождества свершилось множество столетий назад:

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился С-нами-Бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про Бога говорят.

Но священным таинственным образом сакральное событие Рождества Спасителя мира неизменно, снова и снова происходит в любящих и верящих сердцах:

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.

Произведение венчает ликующий радостный аккорд, звучащий в унисон ангельскому рождественскому гимну:

Да! С нами Бог, — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, — средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

Продолжатель идей Вл. Соловьёва философ начала XX века Н.А. Бердяев справедливо отмечал: «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира».

Яркой художественной иллюстрацией справедливости этих идей может послужить еще одно замечательное рождественское стихотворение Вл. Соловьёва — «Ночь на Рождество» (1894):

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился Бог;
К земле недаром небо приклонилось
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознания мирового
Источник Истины живет, не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире Свет, и Свет отвергнут тьмою,
Но светит Он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а Правдою самою
Князь века осужден и все его дела.

Осмысляя опыт прошлого и задумываясь над перспективами развития России, ведущие русские литераторы и мыслители сосредоточили внимание на путях внутреннего духовного преобразования и обновления жизни. Русская словесность в своих раздумьях о социально-нравственном состоянии действительности предвосхитила мысль о целях цивилизованного общества, сформулированную Бердяевым в «Самопознании»: «человек должен быть "теоцентричен" и организовать себя на Божественном начале, в этом его образ; общество же должно быть "антропоцентрично" и организовать на начале человечности».

В третьей «Речи в память Достоевского» (1883) Вл. Соловьёв выразил глубокое суждение о том, что задачей нашей литературы стал «поиск исцеления» общества. Отечественная словесность явилась источником истинных суждений о мире и человеке. Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой были глубоко убеждены в том, что основой нравственного преобразования человека и общества должно явиться самосовершенствование личности как путь к «торжеству любви, правды и мира».

Вл. Соловьёв пояснял: «полное религиозное отношение <...> слагается из трех нравственных категорий: 1) *несовершенства* (в нас), 2) *совершенства* (в Боге) и 3) *совершенство-вания* (или согласования первого со вторым) как нашей жизненной задачи».

Опираясь на концепцию «цельности бытия внутреннего и внешнего» русского религиозного философа-славянофила И.В. Киреевского (1806–1856) и учение основоположника славянофильства А.С. Хомякова (1804–1860) о «соборности», выражающей идею «единства во множестве», Вл. Соловьёв развивал свою идею о «*всеединстве*»: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотой; истинное единство сохраняет и уси-

ливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» («Первый шаг к положительной эстетике»).

Эта программа нашла воплощение в созданной Н.С. Лесковым (1831–1895) художественной галерее «святых и праведных» — положительных типов русских людей. Лесковские герои по натуре своей наделены бесконфликтным сознанием, одарены глубокой верой и пониманием сокровенного смысла жизни. «Соборяне», «Однодум», «Человек на часах», «Несмертельный Голован», «Левша», «Инженеры-бессребреники», «Фигура» и многие другие герои-праведники — своеобразные наставники, несущие учительным примером собственной жизни христианские идеалы деятельной любви к ближнему. По образному выражению одного из христианнейших русских писателей Б.К. Зайцева (1881–1972), это «рука, протянутая человеком к человеку во имя Бога».

«Чистый помыслами и сердцем» Вл. Соловьёв был духовно близок Лескову. Сын и биограф писателя Андрей Николаевич Лесков (1866–1953) называл молодого философа единственным, «на ком последние годы здесь отдыхал глаз и кому радовался дух» отца.

Писателя восхищала нравственная энергия Вл. Соловьёва — одного из немногих сильнейших русских умов, напряженно размышляющего о религиозных вопросах. В письме литературному критику М.О. Меньшикову от 15 февраля 1894 года — буквально за год до смерти — Лесков определил свое отношение к Вл. Соловьёву: «Это душа возвышенная и благородная: он может пойти в темницу и на смерть; он не оболжет врага и не пойдет на сделку с совестью, но он *невероятно детствен* и может быть долго игрушкой в руках людей самых недостойных и тогда может быть несправедлив. Это его слабость».

Характеристика, данная христианскому философу и поэту, по-лесковски «кстати» становится поводом для полемического прояснения собственной духовно-нравственной позиции писателя: «У Соловьёва есть отличное выражение: он с таким-то <...> "ездит попутно". Может быть, это так и нужно, но я этого не могу; <...> и потому *не езжу попутно, а иду с клюкою один* <выделено мной. — **А. Н.-С.**>. В этом смысле Соловьёв мне неприятен; но я думаю, что он человек высокой честности и всякий его поступок имеет свое оправдание». В очередной раз Лесков здесь настойчиво подчеркивает свое «*уединенное положение*», сугубо индивидуальный путь своих исканий — «*против течений*».

В то же время писатель с его «живым стремлением к правде» во многом разделял философско-религиозные раздумья Вл. Соловьёва, серьезно и глубоко верующего христианского мыслителя. С ним Лескова связывали многолетние дружеские отношения. Свидетельством этой дружбы служит хранящаяся в Орле в Доме-музее Н.С. Лескова книга в составе личной библиотеки писателя: Владимир Соловьёв. Стихотворения. — Москва, 1891 год. На книге имеется автограф — дарственная надпись поэта: «Глубокоуважаемому Николаю Семёновичу Лескову от искреннего почитателя его и приятеля. В. Соловьёв».

В подаренном ему томике стихов Лесков особой отметкой выделил стихотворение на странице 12:

В тумане утреннем, неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далеко,
Далеко все, что грезилось мне.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождется мой заветный храм.

На примере этого поэтического текста, неслучайно выделенного Лесковым в стихотворном сборнике, отчетливо различимо, насколько религиозно-философская поэзия Вл. Соловьёва была созвучна духовно-нравственным исканиям писателя, раздумьям о высшем предназначении личности в ее вечном стремлении к абсолютному идеалу.

Лирический текст в иносказательной форме рисует *Путь, Истину и Жизнь* — евангельское представление о Богочеловеке. В то же время здесь описывается жизненный путь земного человека: от младенческого неведения и духовного «сна» — к внутреннему прозрению и озарению. Лирический герой,

УТРАТА

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ РУССКОЙ ГРЕЧАНКЕ
НАДЕЖДЕ КУЗНЕЦОВОЙ-ШИХИДИ

Странно и страшно писать — умерла **Надежда Кузнецова-Шихиди**, Надежда Николаевна (9.10.1947–22.11.2024)... активная деятельница культуры, ветеран греческого движения, Московского общества греков, режиссер театрально-массовых представлений, организатор греческих фестивалей, мероприятий, праздников, соучредитель Ассоциации московских греческих женщин «АГАПИ»... и член Союза писателей XXI века, автор беспрецедентных документальных, биографических книг, выпущенных в издательстве «Вест-Консалтинг»:

«Русская гречанка» — о своей родословной, об истории своей семьи, связанной с историей понтийских и российских греков; и еще одна — о своем ближайшем друге, соратнике и любимом человеке, который уже больше десяти лет пребывает на Небесах, — «Христофор Триандафилов — кинооператор, режиссер, художник».

Надежда Кузнецова-Шихиди не только написала книгу о нем, но и сохранила его архивные киноленты и, используя их, чтобы они не пропали, создала — по своему сценарию — фильм «Путешествие из греков в греки». А «Русская гречанка» вошла в шорт-лист престижной премии «Писатель XXI века», и по ней Михаил Шатин поставил одноименный фильм.

Надежда Кузнецова была полна творческих планов, которые умела реализовывать. Она посещала Гостиную Союза писателей XXI века и всегда увлеченно и интересно выступала там. Она была светлым, добрым, честным и принципиальным человеком и хорошим другом для своих друзей, всегда готовым помочь им, чем может. Последний раз она выступила в Московском обществе греков — на вечере с устной и музыкальной страничкой памяти о русско-греческом певце, композиторе и филологе-инязовце Анатолии Шамардине; и в Доме Ростовых — на презентации альманаха «Эолова арфа» об Андрее Вознесенском...

Она не умерла для всех нас, а ушла в мир иной, куда ее призвал Господь Бог... Он один знает, кого и когда призвать к себе. Светлая память нашей дорогой Надежде Кузнецовой-Шихиди и сакральное место в Раю, рядом с обосновавшимися там родными и близкими людьми, и любовь наша!

Союз писателей XXI века, Московское общество греков, издательство «Вест-Консалтинг»

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

ИСТИННОЕ ЕДИНСТВО

Окончание. Начало на стр. 10

осознав свою истинную сущность, настойчиво и неотступно, преодолевая заблуждения и трудности, стремится к вершинам духа, твердо веруя в успех своего бесконечного движения ввысь, к совершенству: «*Всё буду я идти к желанным берегам*».

Средствами поэтической выразительности в финальных строках стихотворения создается возвышенная и светоносная

образность: «*Туда, где на горе, под новыми звездами, / Весь пламенеющий победными огнями / Меня дождется мой заветный храм*». Нарисована жизнеутверждающая картина обретения человеком твердой веры во всепобеждающее торжество Истины, Добра и Красоты.

Той же верой в неизбежное воскрешение, духовное обновление и возрождение проникнуты пасхальные строки Вл. Соловьёва:

Новой славою Господней
Озарится свод небесный,
И дойдет до преисподней
Светлый благовест Воскресный.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ПРОЗА

Окончание. Начало на стр. 9

в пимы, шапку натянул на ходу и — на улицу. Там подхватил веревку от салазок с закрепленным на них четырехведерным бидоном для воды — и бегом к реке. Благо недалеко. Всего с десяток домов, а там и бережок.

Велика сибирская река Чулым. Широка, неспешна. По заводям да по омутам рыбой полна. Хоть шапкой черпай, пустым не уйдешь. По отмелям песочек золотистый. Вода мягкая, словно бархат, чистая как роса, а на другом берегу тайга высится, чернеет, на многие сотни километров тянется. Каждую зиму Чулым засыпал. Затягивался льдом, укрывался снежным пуховым одеялом, расчерчивался тропинками да санными следами, а ближе к берегу рассыпался лунками рыбаков да прорубями, чтобы воду набирать. К одной из таких прорубей — путь у Сашки. Быстро начерпал он воды, потянул саночки в обратный путь, но остановился. Даром что мороз! Пацаны-приятели снег расчистили на льду. В хоккей играют. Вместо шайбы жестяная банка с замерзшей в ней водой. Вместо клюшек у кого что: палка, метла, обломок доски. Заметили Сашку, кричат, зовут. Игрока в одной из команд не хватает, на ворота встать. Знают, что Сашка лучший вратарь.

— Не могу. — Крикнул Сашка в ответ. — Корову и теленка еще напоить надо.

— Ты только на штрафной удар встань, а там мы сами уже. — Кричали ему.

— На штрафной только. Уговор! — Не удержался Сашка. Оттащил салазки в сторону от дороги и бросился к товарищам.

Как так произошло? Или минута оказалась длинна, или день решил подшутить над Сашкой, но показалось ему, что он и оглянуться не успел — сумерки уже. Известно, зимой день короток. Спыхватился Сашка, бросился к санкам своим, а те примерзли полозьями к насту. Не сдвинуть! Покликать друзей? Оглянулся — все мальчишки по домам разбежались. Остался Сашка один стоять на бережку. Долго маялся с санками, аж взмок, да толку чуть! Благо, мимо мужички шли, топорами отбили примерзшие салазки. Тянет Сашка за веревку, а полозья намерзшими комьями, буграми ледяными покрылись, скользят худо. Только Сашка упорно тащит, торопится, слезы обиды по щекам размазывает. Уже и от собственного инструмента, что дед обещал ему, готов отказаться.

Только бы не не посмотрел на него дедушка пренебрежительно и не сказал:

— Эх, Сашка! Ведь ты верхогляд оказался!

Оставалась у Сашки единственная надежда успеть домой до возвращения деда. Ан, не вышло! Вон он, напряженный, встревоженный, стоит возле ворот дома. Руку козырьком над глазами держит, будто от солнца заслоняется. Смотрит в сторону реки. Заметил Сашку, сразу расслабился и, едва тот подтащился к воротам, подхватил веревку салазок со словами:

— Ступай в избу! Иззяб весь.

Сашка же вцепился в рукав дедовской бекеши, сквозь слезы тараторя сразу обо всем, что накопилось в его душе. Он и каялся, и заверял в своей любви к деду, и ругал сам себя за собственную забывчивость. Так лопотал он от ворот до самого крылечка, где дед остановился, вытер рукой слезы со щек Сашки и строго проговорил:

— Добро. Поверю, но с условием. Ступай в избу и, покуда я с хозяйством обращаюсь, вырежь мне ложку. Да не похабную и не горбатую, а достойную мастера. В сем скрывается мое прощение. Не справишься — звать тебе пустомелей.

Бросился Сашка в дом. На ходу скинул полушубок, шапку и застыл возле дедова рабочего стола. Заготовки рядком лежат. Бери любую, но Сашка, внимательно покрутив в руках несколько, остановился на особенной. У нее от сучка изгиб шел. Словно специально для изгиба ложки природой сделанный. Потом взглянул на ровный строй стамесок. Какую выбрать? В отчаянии взял первую попавшуюся. Приложил стамеску к своим губам и, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, прошептал:

— Стамесочка, милая, не подведи! Сладь работу не стыдную! На тебя, родимая, вся надежда.

Затем, подражая деду, попытался легонько стукнуть ручкой стамески по заготовке, но случайно стукнул клинком,

АНДРЕЙ ТАРАКАНОВ
ЖИВОЕ СЕРДЦЕ
(РАССКАЗ)

отчего тот запел тихо, мелодично, радостно, и вместе с этой песней пришла к Сашке уверенность. Он резал дерево, не отвлекаясь, не останавливаясь. Не заметил даже, как с улицы вернулся дед, подтопил печь, сдвинул с загнетка в ее пышущее чрево чугунок с кашей — ужин для них с Сашкой — и сел, терпеливо шурша газетой.

Наконец, Сашка оторвался от работы. Ложка получилась на зависть — гладкая, ровная, в пропорциях правильная, да еще с изюминкой — изящным волокнистым изгибом соединяющим черенок и черпачок.

Подошел дед. Покрутил ложку в руках. Хмыкнул удовлетворенно. Не говоря ни слова, отпер стол и вынул оттуда клюкарзу — изогнутую стамеску, точно такую, как потерял летними днями в тайге Сашка.

— Держи! — Торжественно протянул дед клюкарзу Сашке. — Достоин! Теперь это твой самоличный инструмент. Береги его!

От неожиданности, от взметнувшегося восторга Сашка, не веря ни глазам, ни ушам своим, сначала замер, потом протянул дрожащую руку к новенькой, еще не испытанной в работе стамеске и тут же отдернул ее.

— Дедушка, оставь себе взамен той, что я потерял, а мне разреши забрать вот эту. — И Сашка показал деду стамеску, которой работал над своей чудо-ложкой.

— Не ошибся я в тебе. — Смахнул дед слезу с глаза.

Сашка стоял напротив. Он крепко прижимал к своей груди старую, потертую стамеску и что-то шептал ей, прислушиваясь, как внутри инструмента бьется живое сердце.

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Война и мир».
3. Автор романа «Обломов».
5. Автор романа «Короли в изгнании».
6. Автор романа «Джейн Эйр».
9. Автор романа «Мастер и Маргарита».
10. Автор романа «Остров сокровищ».

По вертикали:

2. Автор романа «Бедная мисс Финч».
4. Автор романа «Преступление и наказание».
7. Автор романа «История кавалера де Грие и Манон Леско».
8. Автор романа «Туманность Андромеды».
11. Автор поэмы в прозе «Мертвые души».
12. Автор романа «Госпожа Бовари».
13. Автор романа «Лавка древностей».
14. Автор романа «Остров пингинов».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 6562. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007